

Надо начинать свое дело. Довольно получать унизительных размеров зарплату, экономить на сливочном масле, междугородных звонках и поездках к родственникам.

Пишу не для тех, кому думать о своем деле поздно, чье время ушло. Скорее уж эти заметки для полных сил, творческих, смелых людей, вместе со странной поповшиной в водоворот рыночных отношений. Я рассказываю вам о человеке, который начал свое дело 20 лет назад и добился успеха. В путь, читатели: мы едем не в Чикаго, не в Лондон и не в Сингапур. Мы едем в Новосибирск.

Бороздин позвонил мне в мае и пригласил на премьеру оперы «Скопфуженный Парнас» Иозефа Мысливечка в прекрасном исполнении с консерваторским оркестром. «Наконец-то, — сказал он, — сбывается мечта. А мечты сбываются в наше время нечасто».

...В зале консерватории еще звучали мощные аккорды прекрасной музыки, еще не замерли под сводами летного потолка голоса солистов, а аллодисменты, как первые дождинки грозового ливня, зашлепали по рядам и вскоре обрушились овацией. И когда откланялись дирижер, солисты и оркестранты, на сцену поднялся Бороздин. Он уверенно вышел к рампе и с достоинством поклонился публике. Не было в нем ни трепетного смущения премьера, ни заискивающей скромности провинциала. Он вполне сознавал, что получает давно заслуженные известность и успех.

В последний раз мы виделись с ним 10 лет назад в маленьком классе детской музыкальной школы Новосибирского академгородка. Он дирижировал школьным оркестром. Тогда в тихом зимнем вечере торжественно и радостно звучал необычайной красоты концерт. Чтобы услышать его, можно было бы проделать и гораздо более долгий путь: музыка, которая звучала тогда в школьном классе, исполнялась впервые, спустя два века со дня ее создания.

Она была написана блистательным композитором, сыном пражского мельника Иозефом Мысливечком, которым восхищался Моцарт, которому рукоплескала публика лучших оперных залов Италии XVIII века — времени расцвета оперного искусства. Но...

Два века не исполнялась эта музыка. Он ушел из жизни на закате славы, и в бедном доме на одной из римских улиц практически не осталось печатных нот его произведений, а разрозненные рукописи партитур осели в театрах и частных коллекциях. Безжалостное время совсем было стерло из памяти поколений даже само имя Иозефа Мысливечка...

Но сказано: рукописи не горят. Добавлю — если способны гореть людские души...

Сначала учитель музыкальной школы Бороздину попала в руки книга Мариэтты Шагинян о Мысливечке. Затем он с трудом достал единственную пластинку с двумя-тремя дошедшими до нас записями композитора. Послушал и отложил в сторону: показалось — ничего особенного. Потом включил проигрыва-

тель еще раз. Потом еще и еще. Сквозь легкую вуаль традиционности, приверженности принятым в XVIII веке канонам вдруг проступило в этой музыке высокое, доброе и щедрое звучание; обожгла мудрость таланта, сохранившего в звуках понятные и близкие ему мысли.

До утра он не мог унять волнение. Трагическая судьба композитора, его музыка, мысль о том, что большинство сочинений Мысливечка никому из современников не известны, потрясли Бороздина. Ему приоткрылся лишь краешек удивительного полотна, сокрытого временем. А каково оно все, целиком?

Бороздин едет в Москву, встречается с Мариэттой Шагинян и получает в подарок цен-

СВОЕ ДЕЛО

Труд. — 1992. — 30 июня.

нейшие фотокопии партитур, привезенные ею из архивов Италии. Казалось бы, цель достигнута, музыку можно исполнять. Но радость была преждевременной: фотокопии нотных записей, сделанных рукой композитора XVIII века, непонятны современным музыкантам. Ноты надо реставрировать, переводить на современный язык. И он принимается за это.

Над первой коротенькой нотной рукописью Бороздин сидел больше месяца. Потом пошло быстрее... За 20 лет Алексей Бороздин подготовил к исполнению 4 оперы Мысливечка, 6 его квартетов, 9 симфоний, 7 дивертисментов для струнных, концерт для фортепиано, концертные арии (три — специально для Евгения Нестеренко). 80 произведений композитора были исполнены за это время в Новосибирске. Но оперный спектакль на профессиональной консерваторской сцене — такого еще у него не было. И вот — свершилось, да еще под гром аллодисментов.

Согласитесь, 20 лет — немалый срок. Как складывается жизнь человека, который 20 лет занимается своим любимым делом? Ну, во-первых, за это время он стал прекрасным педагогом. «Знаете, — признался мне Бороздин, — за все эти годы я ни разу не устал от уроков, которые давал. Все уроки были в радость». Его виолончелисты (Бороздин преподает по классу виолончели) регулярно занимают первые места на городских конкурсах. На последнем, к примеру, за его учениками — одно первое, два вторых, два третьих и два четвертых места. Впрочем, дело даже не в этом.

Уже полгода каждую неделю Бороздин идет на урок в воскресную школу. С десяти утра до трех дня он и еще четверо его коллег занимаются в помещении детского клуба «Радуга» с шестью учениками. Второй такой школы в мире не существует. Они учат музыку детей, страдающих церебральным параличом и болезнью Дауна. Родители привозят несчастных сюда, и здесь происходит маленькое чудо постепенного исцеления.

Чудо, потому что болезни признаны неизлечимыми.

Никакого шаманства, «космической энергии» или «заряженной воды». Только музыка, только искусство, только доброта и бесконечное терпение. Учитель Бороздин, физик Лебедев, художник Людмила Малышева, студенты Володя Баранов и Максим Егоров — педагоги этой уникальной школы. Посетили их недавно медики. Смотрели, слушали и поразились: эффект был.

Я не специалист, о результатах этих уроков судить не берусь. Правда, об одном уроке все же хочу рассказать — сам на нем присутствовал. Люся (так звали девочку) пришла с мамой к нему домой. Примерно час Бороздин с Люсей увлеченно

летарию, которым он руководил всю жизнь, терять нечего...

Но вот коль талантливый программист, растерявшись в новой суматошной жизни, готов оставить компьютер, чтобы возглавить производство шашлыков в частном кафе, надеясь наконец-то жить по-человечески, — это грустно, ей-богу. Потому что настоящий рынок — справедлив и воздает человеку полной мерой только за талант и только тогда, когда он занимается своим, а не чужим делом. Думаю, для настоящего цивилизованного рынка предпочтительнее, чтобы Лучано Паваротти пел, а Генри Форд делал автомобили — не наоборот. Иначе автомобили никто бы не покупал, а билеты в оперу продавали бы нагрузкой к детективам...

пели гаммы и песенки типа «Василек-Василек», говорили о какой-то там ерунде, потом вежливо попрощались. Я был в недоумении. И только когда мама Люси рассказала мне, что дочка всего год назад вообще не могла говорить, что обычное лечение не дало результатов, — пришла пора и мне развести руками. Люсю Бороздин сумел «распеть» за год. А третьеклассница Танечка с врожденной травмой плеча стала у него лауреатом городского конкурса виолончелистов после полутора лет занятий.

Сам Бороздин уверен, что ему помогает Мысливечек. Я-то думаю, что он просто талантлив, как всякий, кто занимается своим делом. Впрочем, чувствую, у читателя готов упрек: обещан был рассказ о человеке, создавшем свое дело и достигшем успеха в условиях рынка. Подходит ли тут пример Бороздина?

Я поставлю вопрос иначе. А надо ли каждому, кто сейчас занят своим любимым делом, с приходом рынка менять профессию и непременно становиться брокером или владельцем магазина? Ужель рыночная экономика гарантирует достаток и богатую жизнь только брокерам, менеджерам да собственникам малых, крупных и совместных предприятий?

С глубоким уважением отпущусь и к тем, и к другим, и к третьим, однако то обстоятельство, что количество брокеров, например, множится у нас не по дням, а по часам, вызывает у меня лично чувство сожаления. Это все равно, как если бы масса работоспособного населения страны двинула бы, допустим, в хирурги или адвокаты. Тогда убереги Господь от аппендицита или от пустякового гражданско-иска. Я еще могу понять бывшего номенклатурного партаппаратчика, заправляющего ныне в каком-нибудь «идеологически чуждом» СП: изначальную профессию свою, сидючи за партийным столом, он забыл. А что за профессия партаппаратчик — надо ли рассказывать? Вот он и ринулся сломя голову за деньгами, за выгодой, благо возможность есть. Ему, как тому про-

— А деньги?! — срежет меня мой оппонент. — Что ваш Бороздин, ужель богаче стал от того, что не бросил своего дела да не подался в коммерческие структуры? Я знал, что подобного вопроса мне не избежать.

— Лучше ли вы стали жить с приходом рынка? — спросил я Бороздина.

— Лучше, — ответил Бороздин, подумав.

Но, заметив мое недоверие, он со вздохом вытащил откуда-то общую тетрадь, раскрыл ее передо мной и ткнул пальцем в колонку цифр.

— Раньше, — сказал он назидательно, — я получал 160 рэ в месяц. И все. Теперь — вот, смотрите сами: сентябрь — 2500, октябрь — 3300, ноябрь — 4500, декабрь — 3600, январь — 5800, февраль — 8300, март — 8900, апрель — 9000. За май еще не подсчитывал. Конечно, сейчас и цены не те, однако все равно, жить теперь лучше.

— Но откуда ж доходы? — изумился я.

Оказалось, теперь Бороздину разрешили брать плату за частные уроки и прилично зарабатывать в воскресной школе. Брать деньги за свой труд он не стесняется, зная, чего стоит его работа. А стоит она, честно говоря, много больше того, что получает он сейчас. Но Бороздин верит — все в конце концов встанет на свои места. Почувствовал на своем опыте — к тому идет. В перспективе у него — своя музыкальная школа.

А вот уходить в брокеры мой герой не собирается, поскольку всерьез полагает, что без любимого дела не сможет жить. «Без всего этого, — как выразился он, — мне хана». «Все это» для него означает и Мысливечек, и его ученики виолончельного класса, и дети его воскресной школы. Словом, свое, любимое дело. Это и есть его жизнь.

Профессию поменять можно. Жизнь — нельзя.